

**А.С.Пушкин и персидские поэты – его предшественники
и современники**

Профессиональная подготовка студентов-филологов, изучающих персидский язык, предусматривает преподавание всемирной литературы на основе проблемно-тематического принципа, для успешного осуществления которого в процессе изучения персидской и русской литератур (с древности до нашего времени) следует намечать и рассматривать множество параллелей, отражающих схожесть тематики, проблематики, сюжетов, образов изучаемых произведений, созданных представителями многих литератур мира, живших в разные эпохи, фактов биографии писателей – современников, отражающих их жизненные и творческие контакты. Данный подход поможет осознать и наглядно представить глубинные истоки обращения русских писателей к творчеству поэтов Востока эпохи Средневековья и Нового времени.

При изучении творчества А.С.Пушкина периода Михайловской ссылки мы не можем не отметить его по повышенного интереса к поэзии Востока и не ощутить дыхания бессмертных книг Саади «Бустан» и «Гулистан». В эту пору Пушкиным написаны «Подражания Корану». Однако наиболее ярко отражает пушкинский дар перевоплощения в инонациональную поэтическую стихию маленький лирический шедевр – стихотворение «Виноград» (1824), в котором воспроизведены необычные для русского поэта особенности классической персидско-таджикской поэзии (монорим, жанровая философская поэтическая форма – Ки’та, точный антитетический параллелизм второй и шестой строк) в гармоническом единстве с традициями русской классической поэзии (образы, перекрестная рифма нечетных строк и т.п.):

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

[3;1;242]

Изучая в курсе персидской литературы творческое наследие поэта-гуманиста XIII века Саади, в центре внимания которого «высоконравственная, доброжелательная личность» [1; 220], его бессмертные книги «Гулистан» (Розовый сад) и «Бустан» (Плодовый сад), мы непременно должны акцентировать внимание студентов, изучающих персидский язык, на особенностях «западно-восточного синтеза» [1;221] пушкинского стихотворения «Виноград», лейтмотивом которого является сопоставление весенних цветов розы и зрелой осенней виноградной лозы, – тема, навеянная

двумя прославленными книгами Саади.

Вспомним о том, что Пушкин и в других произведениях подчеркивал духовную и творческую общность со средневековым поэтом-философом: это эпиграф к поэме «Бахчисарайский фонтан»:

Многие, так же как и я,
посещали сей фонтан; но
иных уж нет, другие
странствуют далече.

Сади

[3;3;126]

Здесь поэт, несомненно, творчески перекликается с «Бустаном» Саади:

Джамшид великий как-то, я слышал,
У родника на камне начертал:
«Здесь сотни сотен жажду утоляли
И, не успев моргнуть, как сон пропали.
Мы покорили царства всей земли,
Но взять с собой в могилу не могли!» [2;227].

Обращаем внимание на то, как созвучны этому высказыванию мудрого Саади заключительные пушкинские строки восьмой главы «Евгения Онегина»:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал.
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован...

[3;4;161]

Характеризуя в ходе изучения персидской литературы первой половины XIX века творческое наследие видного поэта данной эпохи Фазыл-хана Гарусси (1783 – 1852) мы упоминаем о его встрече с А.С.Пушкиным во время пребывания русского поэта на Кавказе в 1829 году, когда он, путешествуя в Арзрум, случайно повстречался с персидской миссией во главе с принцем Хосроу-мирзой, следовавшей в Петербург. Фазиль-хан как придворный поэт сопровождал персидского принца в Петербург. Пушкин об этой встрече пишет: «Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазиль-хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как мне стало совестно, когда Фазиль-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека! «Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.». Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям»

[3;5;357].

Этой встрече А.С.Пушкин посвятил стихотворение «Фазиль-Хану», оставшееся, к сожалению, незавершенным:

Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Хафиза и Саади
Знакомы.....имена

Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след.....
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.

[3;2;465]

Такой сопоставительный анализ способствует расширению литературного кругозора студентов-филологов, постижению ими глубинного смысла понятий «всемирная литература» и «мировой литературный процесс» во всем многообразии.

Л и т е р а т у р а

1. Брагинский И. 12 миниатюр.– М., 1976.
2. Ирано-таджикская поэзия.– М., 1974.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10-ти т.– М., 1974 – 1978.